Не его невеста

Автор:
Юлия Гетта

Не его невеста

Юлия Гетта

Двое #2

Егор и Глеб Орловы – братья-близнецы. Молодые успешные бизнесмены, красавцы – мечта любой женщины. За одного из них я собираюсь замуж, ну а второй ласково называет меня сестренкой. Только похоже его чувства ко мне далеки от братских.

Юлия Гетта

Не его невеста

1 глава

Босиком по холодному кафелю крадусь на цыпочках к любимому мужчине, что усердно колдует над кофе-машиной. Он у меня ранняя пташка – на часах только семь утра, а на нем уже идеально выглаженная рубашка и классические брюки с тонким кожаным ремнём.

А я только проснулась и, как есть, в ночной сорочке спустилась на кухню в надежде застать его дома и поцеловать на прощание.

Подкрадываюсь незамеченной, крепко обнимаю со спины, прижимаюсь грудью и мурчу:

– Доброе утро, любимый…

Его мышцы неожиданно напрягаются. Вместо ответных объятий он неласково снимает с себя мои руки, но сонная я не придаю этому значения. Настойчиво разворачиваю мужчину к себе лицом, обхватываю за шею, встаю на цыпочки и тянусь к губам.

Но в последний момент он отворачивается, и вместо губ я целую колючую от легкой щетины щеку.

– Эй! – отстраняюсь и возмущенно смотрю на него.

Егор смотрит на меня в ответ со странным прищуром, отчего внизу живота начинает щекотать.

– Егор, ты чего? – растерянно улыбаюсь.

А он продолжает изучать меня взглядом, и один уголок его рта тянется вверх.

– Ты все такая же, – произносит с укором.

Я секунду хлопаю глазами, а потом меня окатывает пониманием, как ледяной водой.

– Глеб?!

Ну конечно же, это Глеб! Брат-близнец моего возлюбленного!.. Глеб, которого я не видела уже почти два года, и за это время совершенно разучилась их различать. Но теперь вижу, что его волосы острижены немного иначе и мимика другая.

– Привет, сестрёнка, – со скупой улыбкой произносит он.

– Глеб! – радостно восклицаю я и снова бросаюсь ему на шею, только на этот раз уже с дружескими объятиями. – Когда ты прилетел?!

– Пару часов назад.

– А где Егор? – удивляюсь я. – Почему он не разбудил меня?

– Сказал, в офис нужно заехать. – Глеб отворачивается к кофе-машине, бросает из-за плеча: – Кофе будешь?

– Давай! – выпаливаю я, не подумав.

Но вскоре понимаю, что погорячилась.

Эмоции от встречи начинают утихать, и я осознаю, что стою перед братом своего жениха в совершенно непотребном виде. Моя ночная сорочка хоть и прикрывает все интересные места, но ткань слишком тонкая, просвечивает.

– Сейчас только сбегаю, переоденусь…

– Зачем? Не надо, – невозмутимо отзывается он.

– Мне неловко перед тобой в таком виде… – пытаюсь объяснить.

– Да брось, Настя, – усмехается Глеб.

А я начинаю краснеть с ног до головы, строя неуместные догадки, почему он мог так сказать.

– И все же я переоденусь, – настойчиво повторяю, разворачиваюсь и быстро шагаю к выходу из кухни.

К счастью, Глеб больше не пытается меня остановить.

Со скоростью ветра несусь вверх по лестнице на второй этаж, в нашу с Егором спальню. Начинаю судорожно вытряхивать содержимое шкафа в поисках

подходящих вещей.

Перебираю платья, джинсы, футболки, шорты, блузы, костюмы – все кажется неуместным. Спустя несколько минут судорожных поисков заставляю себя выдохнуть и остановиться.

Чего я так разволновалась? Это ведь брат моего жениха. И у нас было с ним один раз. Но тогда наши отношения с Егором были далеки от серьезных, и вообще, формально на тот момент мы не встречались, так что…

Ай, зачем я пытаюсь себя обмануть? Как ни крути, это ужасно! Все было куда проще, пока Глеб находился в другой стране. Мы с Егором были вдвоём, счастливы и ни разу не вспоминали о прошлом.

Но теперь, когда Глеб вернулся…

Взяв первые попавшиеся под руку джинсы и футболку, натягиваю это на себя, расчесываю волосы и спешу вернуться вниз на кухню.

Глеб уже сидит за столом, пьёт свой кофе, сосредоточенно изучая что-то в телефоне. Моя кружка стоит напротив.

Скольжу взглядом по его фигуре, вспоминая это странное забытое чувство – знакомые до боли черты и совершенно другой человек.

Сажусь за стол, Глеб откладывает в сторону мобильник и тоже начинает меня разглядывать. Его взгляд все такой же тяжелый. Давящий. Я и забыла насколько.

– Егор же тебя встретил? – спрашиваю с натянутой улыбкой, только чтобы разрядить сгущающуюся вокруг нас атмосферу.

– Да, – лаконично отвечает Глеб. – Разве он не сказал тебе, что я прилетаю?

– Говорил… Но я думала, ты прилетишь завтра.

– Освободился на день раньше.

– Понятно. Ты к нам надолго?

– Насовсем.

Я растерянно улыбаюсь, не зная, что и сказать.

Мне неловко из-за того, что произошло между нами два года назад, но они с Егором близнецы и должны быть вместе. Я видела, как Егор скучал все это время без него.

Это означает, что мне придётся смириться и искоренить в себе это чувство неловкости.

– Как вообще у вас дела, Настя? – внезапно спрашивает Глеб тоном, от которого почему-то становится не по себе. – Я слышал, у Егора какие-то проблемы в компании?

– Да нет вроде, – пожимаю я плечом. – По крайней мере мне он ничего такого не говорил.

– Ясно, – медленно кивает Глеб и вдруг начинает смотреть на меня совершенно иначе. Без прежней тяжести во взгляде, как-то непринуждённо и даже весело. – Ну а у тебя как дела? Выглядишь шикарно. Впрочем, как и всегда.

– У меня все хорошо! – смущенно улыбаюсь. – Я теперь работаю фитнес-тренером.

– Ого. А меня потренируешь?

– Глеб, – смеюсь. – Давай отбросим эти шутки за двести. Оставь их Егору.

– А как же бухгалтерия?

– Кажется, это было не моё.

Взгляд Глеба снова меняется. Из небрежного становится просто рентгеновским лучом.

– Егор не обижает?

– Не-е-ет! – снова смеюсь. – Он пылинки с меня сдувает! Смотри, – показываю кольцо.

Глеб берет мою руку в свою, отчего я начинаю испытывать совершенно неуместное волнение, и разглядывает камень.

– Красивое.

– Спасибо, – неловко улыбаюсь я. – Расскажи лучше, чем ты занимался эти два года? – интересуюсь, как бы невзначай отдёргивая свою руку, которую он удерживает слишком долго.

Глеб пожимает плечом.

– Работал.

– Где?

– Да так. Ничего особенного. Ладно. – Допив остатки своего кофе, Глеб встаёт из-за стола. – Мне нужно кое-куда съездить.

Я тоже поднимаюсь со стула, чтобы проводить гостя, и, совершенно дурацким образом споткнувшись об ножку стола, лечу вниз.

У Глеба просто дьявольская реакция. Каким образом он умудряется подхватить меня, не позволив позорно распластаться на полу, я не успеваю понять. Лишь тяжело дышу, оказавшись тесно прижатой к его груди.

Он удерживает меня так гораздо дольше, чем позволяют правила приличия.

Мне становится неловко, я хочу отстраниться, но он не пускает. И вдруг прижимается носом к шее, шумно втягивает воздух.

Я все же осторожно высвобождаюсь из его объятий и возмущённо смотрю:

– Что ты делаешь?!

– Прости, – бесстрастно произносит он. – Просто забыл, как ты нереально пахнешь.

После чего уходит с кухни, а я продолжаю стоять на месте и понимаю, что вся дрожу.

Кажется, моей спокойной счастливой жизни пришёл конец.

* * *

Отмерев наконец, наливаю себе стакан воды и подхожу с ним к окну. Наблюдаю, как Глеб уезжает на одной из машин Егора, чёрном брутальном внедорожнике, провожаю его взглядом.

Меня все ещё немного трясёт. Сама не знаю почему.

Твержу себе – это брат моего жениха, самый близкий для Егора человек. Я должна привыкнуть к мысли, что он станет постоянным гостем в нашем доме. И не должна так реагировать, так волноваться из-за одного только его присутствия.

Допив воду, убираю стакан в посудомоечную машину и иду в спальню переодеваться. Сегодня у меня насыщенный день – визит к врачу, две тренировки, а после нужно успеть к Вике. Я обещала посидеть с её годовалой дочкой, пока подруга съездит на депиляцию.

Спускаюсь в гараж, пикаю брелком сигнализации, и красавец красный «Шевроле Камаро» приветствует меня, подмигивая фарами. Я тепло улыбаюсь ему, будто живому. И отношусь так же – не как к машине, а как к другу, с душой и своим

характером.

Вообще-то это автомобиль Егора, но я уже почти год езжу на нем после того, как движок моей старенькой «Ауди» приказал долго жить. Ремонт обошёлся бы мне дороже стоимости самого авто, и Егор даже слушать ничего об этом не хотел. Отдал мне своего красавца, а себе купил чёрную «Теслу», пошутив, что пора бы уже становиться солиднее.

Первое время я боялась даже сесть за руль этого красного дьявола, да и теперь спустя год каждый раз с трепетом завожу мотор. Может, я необъективна, но «Камаро» прекрасен. От покрышек до подсветки салона – одно сплошное произведение искусства.

Двигатель отзывается на кнопку зажигания мгновенно, утробно рычит, лаская слух. Обожаю этот звук.

Включаю стереосистему, звучание которой дарит не меньшее наслаждение моим барабанным перепонкам, вывожу машину из гаража. Покинув территорию дома, приглушаю музыку и набираю на панели громкой связи телефон любимого.

Вскоре по салону разносится его приятный голос:

– Привет, малыш. Проснулась уже?

– Да я уже давно на ногах, – весело отвечаю я. – Даже успела столкнуться на кухне с Глебом.

– Здорово! Так ты сейчас с ним?

– Нет, он почти сразу куда-то уехал. И я тоже уже не дома.

– Ещё только восемь, куда так рано собралась?

– На приём к врачу, я же тебе вчера говорила.

– Да, точно. Прости, забыл.

– Ничего. А ты зачем в такую рань в офис поехал?

– Нужно было ещё раз пробежаться по договорам. Через час у меня встреча с китайцами, они готовы подписать контракт на год. Я тебе, кстати, тоже об этом вчера говорил.

– Точно! – рассмеялась я. – И что у нас с тобой с памятью стало?

– Дурно влияем друг на друга, – усмехнулся Егор.

– Надо исправляться, – улыбнулась я.

– Ладно, малыш, мне надо ещё успеть подготовиться к встрече. Созвонимся вечером. Целую тебя.

– Кстати насчет вечера, Егор. Хотела спросить, у тебя есть какие-нибудь пожелания по меню? Я хочу приготовить что-нибудь вкусненькое. И думаю, наверное, накроем стол в беседке? Поужинаем там, заодно отметим приезд Глеба?

– Не заморачивайся, Насть. Мы с Глебом вечером хотим сходить куда-нибудь вдвоём, если ты не против. Вечность уже не виделись, столько надо обсудить. Тебе будет скучно с нами.

– А-а-а… – растерянно тяну я. – Хорошо…

– Ну и отлично. Все тогда, целую. Пока.

– Удачи тебе на встрече.

Сбрасываю звонок, и пространство автомобиля вновь наполняется изящным звучанием популярного трека. Выключаю его совсем. Настроение почему-то скатилось вниз.

Нет, я вовсе не обиделась на Егора. Я все понимаю. Они больше, чем братья – они близнецы. После такой долгой разлуки им просто необходимо насытиться общением друг с другом. И потом, так даже лучше, учитывая, какое волнение

меня сегодня охватило от встречи со старшим братом. Вряд ли во время ужина с ним и Егором я бы чувствовала себя легко и комфортно.

Да, пожалуй, будет лучше, если я вообще как можно меньше буду видеться с Глебом. Это решение кажется мне самым правильным. Но на сердце отчего-то все равно тоскливо. Почему – не могу себе объяснить.

В медицинском центре на время забываю о своих переживаниях. Мой врач, Любовь Андреевна, всегда обычно приветливая, сегодня встречает меня сосредоточенным взглядом и скупым кивком.

– Доброе утро! – вежливо улыбаюсь ей. – Ну, как там мои анализы? Улучшения есть?

– Доброе утро, Настя. Присядь.

Тон доктора мне не нравится, но я все же сажусь на стул возле её стола и приготавливаюсь слушать.

– Ты точно принимала препараты, которые я назначила?

– Да, конечно, – заверяю ее. – Принимала.

Любовь Андреевна недовольно качает головой.

– Твой гормональный фон по-прежнему нестабилен. И слишком быстро растут образования. Если темп их роста не изменится и дальше, скорее всего, потребуется оперативное вмешательство.

– Что потребуется?

– Операция.

У меня от такой информации начинает неприятно скручивать низ живота.

– Вы же сами говорили, что мастопатия не опасна, – с укором говорю я. – И очень распространённое заболевание. И все это лечится.

– Да, так и есть. Но препараты не дали положительной динамики, и мне это не нравится.

– Может, вы назначите какие-то более сильные препараты? Только не операция, пожалуйста! Наверняка ведь можно что-то сделать, чтобы до этого не дошло?

Доктор устало вздыхает. Снимает очки, отодвигается на стуле и разворачивается всем корпусом ко мне.

– Настя, скажи, пожалуйста… Ты планируешь рожать детей?

До меня не сразу доходит при чём тут это, я растерянно хлопаю глазами.

– Эм… Ну вообще да… Только я не знаю, когда именно… А почему вы спрашиваете? Мне что... нельзя с этим диагнозом?

– Наоборот. Беременность при таком диагнозе очень даже показана. Как правило, она стабилизирует гормональный фон. Кровообращение в молочной железе улучшается, устраняются застойные процессы в потоковой системе. Из моей практики – многие пациентки навсегда забывали о мастопатии как раз после родов. Поэтому, если ты в принципе планируешь ребёнка, советую с этим не затягивать.

– Понятно, – озадаченно киваю я. – Значит, мне нужно родить. Это весьма… неожиданно. Я должна обсудить вопрос с моим женихом… А как срочно надо забеременеть? Сколько времени у меня есть?

– Сложно сказать. Подобные образования развиваются у всех по-разному. У тебя наблюдается довольно высокий темп роста. Если есть возможность – планируй беременность в ближайший год. Но чем быстрее, тем лучше.

* * *

Медицинский центр я покидаю в полной растерянности. Необходимость родить ребёнка в ближайший год почему-то не на шутку меня тревожит. И как ни стараюсь, не могу разобраться – почему?

Ведь я давно хочу детей. Когда Вика рассказывает, как ей осточертели эти бесконечные подгузники, бессонные ночи, капризы дочурки и скандалы с мужем из-за разных взглядов на воспитание, я только делаю вид, что сочувствую ей. А на самом деле завидую. По-доброму, конечно, но завидую.

Мне тоже хочется вот этого всего – бессонных ночей, подгузников, капризов… А ещё маленьких ладошек, доверчивых глаз, невнятного лепетания. Иногда я даже мечтаю, как буду гулять с коляской в парке, как обустрою детскую, как назову…

Странно, что сейчас, когда пришло время осуществить мечты, я вдруг испугалась.

Может, все дело в том, что мы с Егором ни разу не затрагивали тему детей за все время наших отношений? И я даже примерно не представляю себе, как он отреагирует.

В своих розовых мечтах я представляла, что однажды он сам заведет этот разговор. После свадьбы, разумеется. А теперь выходит, я просто поставлю его перед фактом – дорогой, мне срочно надо рожать. Хочешь, не хочешь, но скоро тебе придется стать папой.

Как-то неправильно все это… Мы ведь еще даже с датой свадьбы не определились.

Пока еду в центр, собирая все пробки, на всякий случай забиваю в гугл «Можно ли беременеть при мастопатии». У меня нет оснований не доверять Любови Андреевне, но чем черт не шутит. Однако среди первых же результатов поиска я нахожу подтверждение всем её словам.

Похоже, мне действительно нужно рожать.

Нервно закусываю губу и стараюсь себя успокоить. Егор ведь любит детей. По крайней мере с Викиной дочкой он в два счета нашел общий язык. И с удовольствием возился с ней оба раза, когда они у нас гостили.

Какая разница, кто из нас первый заговорит на эту тему? Раз уж мы собираемся создать семью. Рождение детей чаще всего – это следующий шаг. Егор наверняка даже обрадуется такому стечению обстоятельств. Главное ведь, чтобы и у него, и у меня было желание. А все остальное – просто мои глупые домыслы.

Когда я паркуюсь возле спортивного клуба «Банзай», где имею честь работать, тревога окончательно отступает. Я предвкушаю чудесный рабочий день, это всегда бодрит и поднимает настроение.

Я просто обожаю свою работу. Благодаря ей я всегда нахожусь в отличной форме. Тренировки доставляют мне удовольствие, а плавающий график позволяет всё успевать и не чувствовать себя при этом измотанной. Я тщательно слежу за собой, занимаюсь домом, регулярно готовлю Егору вкусную и полезную пищу. Одним словом – в моей работе меня устраивает абсолютно всё.

Ну… или почти всё. Всё-таки есть два небольших минуса.

Первый – это зарплата. Поскольку я новичок, мне не дают полноценную нагрузку, да и ставка невысока. Но я не жалуюсь. К счастью, Егор у меня из тех мужчин, которые никогда не позволяют своим девушкам оплачивать счета. Я хоть и за равноправие полов, но некоторые старомодные традиции, такие, как эта, например, меня вполне устраивают. Все же мужчина-добытчик – это сексуально. И еще это даёт чувство безопасности, защищенности. Я могу заниматься любимым делом и не бояться, что когда рожу детей, им придется голодать.

Ну а второй минус в моей работе – это Ринат. Наш управляющий.

Правильно говорят, что в бочке с медом всегда найдется ложка дегтя. В «Банзае» подобрался отличный, очень дружный коллектив. Но вот Ринат… Мало того, что он сам по себе человек неприятный, так еще и настойчиво оказывает мне знаки внимания.

Я, как попугай, постоянно твержу ему, что несвободна и счастлива в отношениях. Но кажется, нашему управляющему вообще нет никакого дела до того, что я говорю.

К счастью, наши с ним смены совпадают довольно редко. Сегодня в клубе я его не встречаю. И ничего больше не омрачает моего дня.

К Вике приезжаю ровно к пяти, как мы и договаривались. Подруга встречает меня на пороге уже одетая, накрашенная, порывисто обнимает:

– Спасибо, зая, не знаю, что бы я без тебя делала! Ты мой спаситель!

– Да брось, Вик, – отмахиваюсь я. – Я обожаю Милку, ты же знаешь.

И маленькая бандитка, услышав своё имя, тут же появляется в прихожей. Топает босыми ножками мне навстречу, лопочет что-то на своём. Я подхватываю ее на руки и начинаю беспорядочно покрывать поцелуями.

– Привет, моя сладенькая, моя маленькая девчушка, моя печенюшка… – Между поцелуями перечисляю все ласковые слова, которые только приходят на ум.

– Знаю, знаю, – улыбается Вика, с умилением глядя на нас. – Когда вы с Егором уже своим бэбиком обзаведетесь? Представь, как здорово – подрастут, будут вместе играть.

От её слов в груди начинает слегка покалывать – подруга будто в воду глядит.

– Как только так сразу, – неестественно улыбаюсь, вспоминая утренний разговор с врачом.

– Ну все, я побежала, зай, а то еще в магаз хотела по пути заскочить. Целую-целую, не скучайте тут без меня!

Вика посылает своей дочурке воздушный поцелуй и поспешно скрывается за дверью, пока малышка ничего не успела понять.

Мы с Милой прекрасно проводим время. Я смотрю на неё и пытаюсь представить, что скоро у меня может быть вот такая же кнопка. От этих мыслей переполняет восторг. И я уже искренне не понимаю, из-за чего переживала утром. Дети – это счастье. Разве может быть иначе?

По дороге от Вики заезжаю в супермаркет купить свежие овощи. Раз уж приготовление ужина в честь приезда Глеба отменяется, решаю просто сделать себе салат. Но в итоге набираю полную корзину. Прогуливаясь между стеллажами, вспоминаю, что в доме закончился бальзамический уксус, одноразовые салфетки, ополаскиватель для белья… В конце концов, кое-как несу пакеты до машины.

Уже подъезжая к дому, набираю по громкой связи Егора.

– Привет, милый. Как прошла встреча с китайцами?

– Контракт подписан! – довольно отзывается он.

– Поздравляю! – искренне радуюсь я. – Я в тебе ни капельки не сомневалась!

– Спасибо, малыш. Ну а ты? Как к врачу съездила?

– Ох, как бы тебе сказать… – вздыхаю я, старательно выкручивая руль вправо на очередном перекрестке. – Таблетки, которые я пила, особо не помогли. Образования в груди продолжают разрастаться.

– И что теперь делать?

– Что-что… Врач говорит, рожать, – усмехаюсь я.

– Что делать? – переспрашивает голос любимого с ударением на слове «что».

– Я хотела дома с тобой поговорить об этом. Но тебе, наверное, сегодня некогда будет. Вы же с Глебом запланировали вечеринку.

– Да, я домой заезжать не буду, Насть. Мы с Глебом в восемь в «Гоголе» встречаемся, я сразу из офиса поеду, чтобы туда-сюда не мотаться. Но ты

расскажи так, вкратце, что там за нетрадиционную медицину тебе навязывают?

Я смеюсь. Слегка нервно, потому что совсем не такой реакции от Егора ожидала.

Хотя сама виновата. Кто меня за язык тянул вот так, по телефону, ему сообщать? Тем более, в шутливой форме. Неудивительно, что он не воспринял эту информацию всерьез.

– Нет, Егор, это вполне нормальный совет при моем диагнозе. Я гуглила. Всё из-за нестабильного гормонального фона. Беременность действительно может решить эту проблему лучше любых лекарств.

– Уверена?

– Да.

– Что ж… Понятно. Это, конечно, неожиданно.

– Да, я тоже так же сказала врачу, – сухо отвечаю я.

– Значит, надо рожать, – подытоживает он ровным голосом, в котором я не слышу ни капли энтузиазма.

– Ты, по-моему, не очень рад такой перспективе? – невесело усмехаюсь.

– Ну ты что, с чего ты взяла? Просто неожиданно все так.

– Да уж…

– Малыш, давай, не грузись там. Все будет хорошо. Завтра мы обо всем поговорим. Ладно?

– Угу.

– Мы с Глебом, скорее всего, поздно будем, не жди нас. Ложись спать.

– Угу.

– А ну-ка улыбнись?

Эта его фраза всегда действует на меня безотказно. Как бы тоскливо ни было на душе, стоит ему сказать «улыбнись», и я начинаю улыбаться. Даже сквозь слезы.

Вот и сейчас мои губы против воли растягиваются в разные стороны, и свинцовая тяжесть в груди отступает.

– Хорошего вам с Глебом вечера, – искренне желаю ему. – Целую тебя.

– И я тебя целую.

Сбрасываю звонок и снова кручу руль вправо, преодолевая последний поворот перед въездом на территорию поселка. Подъезжаю к уже ставшему родным коттеджу. Когда его автоматические ворота услужливо отползают в сторону, пропуская меня, сердце в груди предательски ёкает. У двери в гараж припаркован тот самый внедорожник, на котором утром уезжал Глеб.

Он, выходит, дома?

Паркую «Камаро» возле джипа, забираю пакеты с покупками из багажника и на негнущихся ногах шагаю к дому. Пытаюсь унять неуместное волнение по поводу возможного присутствия там Глеба, но ничего не выходит. Мысль о том, что мы с ним снова останемся наедине, доставляет дискомфорт.

Храбрюсь, толкаю входную дверь и едва не сталкиваюсь с ним на пороге. Неловко ойкаю, отступаю назад. Моё волнение многократно усиливается, щеки начинают полыхать.

На нем уже другая рубашка, в руке – ключи от машины.

– Глеб, привет! – натянуто улыбаюсь ему. – Уже уезжаешь?

– Да, собирался ехать. Давай помогу. – Он забирает пакеты у меня из рук. – Куда отнести?

– На кухню.

Мы перемещаемся на кухню, Глеб ставит пакеты на стол и разворачивается ко мне.

– Ты зачем такие тяжелые сумки носишь? Есть же доставка из магазинов.

– Да, есть. Но мне больше нравится самой бродить между прилавками, всё разглядывать перед покупкой, – скромно улыбаюсь я. – Наверное, я немного шопоголик.

– Тогда бери с собой Егора. Тяжести не надо таскать.

Мне хочется сказать ему, что не такие уж они и тяжелые, и потом, я ведь спортсменка, не сломаюсь от двух пакетов с продуктами. Но под его строгим взглядом язык будто к нёбу прилипает, и вместо всех этих слов я произношу короткое:

– Хорошо.

Он ничего не отвечает. Продолжает стоять напротив и смотреть на меня, пауза начинает затягиваться.

– Ты голодный? Есть будешь? – Я подхожу к столу и принимаюсь суетливо доставать покупки из пакетов, только чтобы нарушить эту тишину. – Егор сказал, вы сегодня поужинаете в «Гоголе», поэтому я не планировала готовить ничего существенного. Но могу по-быстренькому что-нибудь сделать для тебя.

– Спасибо, Настя. Я тороплюсь.

– Егор говорил, вы в восемь встречаетесь? Ты успеешь съесть салат.

Не знаю, зачем говорю ему это. Откуда во мне взялось такое навязчивое гостеприимство? Ведь на самом деле очень хочу, чтобы он быстрее уехал. И вздохнуть уже спокойно.

К великому облегчению, Глеб все же не поддается на уговоры.

– Мне до восьми еще нужно успеть заехать посмотреть квартиру. Не хочу заставлять Егора ждать.

– Какую квартиру?

– В аренду, – поясняет он. – Вообще планирую купить себе жилье в скором времени, но поиски могут затянуться. Поэтому пока поживу на съемной, чтобы вас с Егором не стеснять.

– Ты нас вовсе не стесняешь, в доме полно места! – И снова я делаю это. Говорю то, что не хочу говорить.

Мне будет значительно спокойнее, если Глеб съедет на съемную квартиру. Но совесть не позволяет промолчать. Это ведь и его дом тоже. Если так разобраться – это я здесь гость, а не он.

– Мне привычнее одному, – негромко произносит Глеб.

– Ты… У тебя никого нет? – зачем-то задаю я совершенно бестактный вопрос. Из-за этого дурацкого мандража рядом с Глебом, голова категорически отказывается соображать быстро. – Не нашел себе девушку?

– Нет. Не нашел.

Я понятия не имею, что на это сказать. Но и молчать как-то совсем глупо. Зачем я спросила его о таком? Что он теперь подумает? Судорожно придумываю, как выкрутиться из неловкой ситуации. Хочу как-то оправдать своё неуместное любопытство, но вместо этого только усугубляю положение:

– Хочешь, познакомлю тебя со своей коллегой из тренажерного зала? Она очень хорошая девушка и красавица…

Брови Глеба удивленно ползут вверх, заставляя меня замолчать.

– Это лишнее, Настя, – усмехается он.

– Извини… – сконфуженно произношу я.

– Ладно, я поеду. Время не ждет.

Старший Орлов разворачивается и идет к выходу из кухни.

– Хорошо вам с Егором… отдохнуть, – смущенно произношу ему в спину.

– Спасибо, – бросает он мне.

Уходит. И вскоре я слышу, как хлопает входная дверь.

Выдыхаю и прикладываю прохладные ладони к пылающим щекам.

Господи, какая я дура. Какой дьявол в меня вселился? Зачем я несла эту околесицу? И почему меня каждый раз так колбасит после разговора с ним?

Чтобы успокоиться, начинаю торопливо хватать со стола продукты и раскладывать их по полкам холодильника. Мою овощи, режу салат.

Так стыдно за себя мне давно уже не было.

Ссыпаю нарезанные овощи с разделочной доски в глубокую стеклянную чашку, сбрызгиваю бальзамическим уксусом. Этот бальзамический уксус – просто волшебная штука, с ним любое блюдо как по взмаху волшебной палочки превращается в гастрономическое произведение искусства. Поливаю оливковым маслом, перемешиваю, посыпаю сверху тертым пармезаном.

Беру всю эту красоту и несу на второй этаж, в комнату с домашним кинотеатром. Ненавижу есть в одиночестве. Поэтому какой-нибудь интересный фильм станет моей компанией на сегодняшний ужин.

С аппетитом поглощаю свой роскошный салат, смотрю обалденную французскую комедию и постоянно ловлю себя на том, что все еще испытываю неловкость из-за того, что ляпнула Глебу на кухне.

Это уже начинает раздражать. В конце концов, ничего такого страшного я ему не сказала. Выдай я что-то подобное кому угодно другому, уже бы думать давно забыла. Какая мне разница, как я теперь выгляжу в его глазах?

Однако никакие доводы не помогают. Я досматриваю фильм, принимаю душ, ложусь в постель и все еще корю себя за длинный язык.

2 глава

Просыпаюсь от того, что рядом проминается постель. В комнате темно, а это значит, что сейчас всё еще ночь. Ловлю устроившегося рядом любимого, заключаю в объятия, прижимаюсь всем телом и сонно мурчу:

– Котенок, ты уже вернулся… Как вы посидели?

Чувствую нежный поцелуй в области виска и довольно улыбаюсь с закрытыми глазами.

– Хорошо посидели, малыш. Спи.

– От тебя пахнет спиртным, – замечаю.

Давно уже я не слышала этого запаха. Егор не позволяет себе пить, потому что очень ответственно относится к своей работе. Ну а я – спортсменка. И к тому же приверженка здорового образа жизни.

– Выпили немного, – поясняет Егор, высвобождаясь из моих цепких рук и разворачиваясь ко мне спиной.

Я тут же обнимаю его сзади и прижимаюсь грудью. Мы всегда так спим.

– Имей в виду, если мы в ближайшее время собираемся заделывать ребенка, то от алкоголя нужно отказаться. Совсем, – сонно бормочу я, уткнувшись носом в любимую спину.

Егор ничего не отвечает. Но я не придаю этому значения, слишком уж хочется спать.

* * *

Просыпаюсь, как и всегда, с первыми лучами солнца. Никогда бы не подумала, что однажды стану жаворонком, но ради любимого дела, оказывается, мой организм готов совершать еще и не такие подвиги.

Мой будущий муж сладко сопит рядом, широко раскинув руки в разные стороны и заняв тем самым две трети нашей совсем не маленькой кровати. Смотрю на него и улыбаюсь – меня с ног до головы затапливает нежностью. Какой же он милый, когда спит. Как же я его люблю.

Спускаюсь босая вниз, но предварительно надеваю и туго завязываю поясом длинный вафельный халат. Нельзя забывать, что теперь мы с Егором в доме не одни. Достаточно с меня неловких ситуаций.

Оказавшись на кухне, закатываю рукава халата и сразу начинаю готовить завтрак.

Настроение у меня превосходное, впрочем, как и всегда по утрам. Гремлю посудой, что-то тихонько напеваю себе под нос и едва не вздрагиваю, когда сзади раздается:

– Доброе утро, Настя.

Резко оборачиваюсь и в первое мгновение совершенно теряюсь.

На пороге кухни стоит Глеб. Но то, что это именно он, я понимаю лишь по той причине, что пять минут назад наблюдала за спящим Егором в нашей спальне. Вряд ли мой возлюбленный успел бы так быстро проснуться, принять душ и одеться. А в том, что мужчина передо мной недавно принимал душ, сомневаться не приходится. Его волосы слегка растрепанные и влажные. И вообще Глеб выглядит не таким, каким я привыкла его видеть. Нет ни рубашки, ни строго галстука или пиджака. На нем обычная белая футболка и домашние легкие брюки. Сейчас он как никогда сильно похож на Егора.

– Доброе утро, Глеб! – с напускным весельем произношу я. – Как спалось? Завтракать будешь?

Он проходит в кухню, выдвигает стул из-за стола, садится.

– Да, не откажусь.

– Что ты предпочитаешь на завтрак? Я планировала сделать омлет с сыром и зеленью, но если ты хочешь что-нибудь другое – скажи, я приготовлю.

– Омлет вполне подойдет, – равнодушно произносит он.

И в этот момент я вдруг отчетливо понимаю, что у него что-то случилось. Глеб выглядит так, будто чем-то подавлен. Его плечи опущены, взгляд, обычно прямой и тяжелый, сегодня не выражает ничего.

Мне мгновенно становится не по себе. Волнуюсь за него. И совершенно не понимаю, какими словами задать обычный вопрос – что у тебя случилось? Не будет ли это бестактно? Мы ведь с ним не друзья, не приятели. Да и вообще, вдруг он не хочет это со мной обсуждать?

Неуверенно потоптавшись на месте, с легким кивком произношу:

– Хорошо, – и отворачиваюсь к плите.

А у самой в груди так и печет. Что же у него случилось? Или, может, мне показалось просто? Только проснулся человек. Наверняка не выспался. Вчера у них с Егором явно был насыщенный вечер. С чего я вообще взяла, что Глеб чем-то опечален?

Пока занимаюсь омлетом и варю кофе, буквально спинным мозгом чувствую на себе его взгляд. Но трусливо боюсь обернуться.

Когда все, наконец, готово, накрываю на стол. Расставляю приборы, находясь очень близко, но открыто взглянуть на Глеба по-прежнему не осмеливаюсь. Ругаю себя мысленно за эту дурацкую неловкость, но ничего не могу с собой

поделать. Скорее бы он уже съехал…

Закончив сервировку, бормочу себе под нос:

– Ну, вот все и готово… Ты можешь начинать есть, если сильно голодный, или подожди нас. Я пойду разбужу Егора.

– Подожди.

Запястье обжигает от сильного захвата. Растерянно смотрю на длинные мужские пальцы, впивающиеся в кожу, резко поднимаю взгляд и сталкиваюсь глазами с двумя ярко-голубыми сканерами.

От шока не могу даже попросить его, чтобы отпустил. Но к счастью, вскоре он сам делает это. Отпускает.

Неосознанно обхватываю запястье в том месте, где только что сжималась его ладонь. Кожу слегка покалывает, сердце так и молотит в груди. Вопросительно вскидываю брови. Какого черта он себе позволяет?

– Егор говорил вечером, что сегодня поедет в офис к обеду, – невозмутимо произносит Глеб в ответ на мой требовательный взгляд. – Мы вчера поздно вернулись. Пусть еще поспит.

Я растерянно молчу, глядя на старшего Орлова. Очень хочу возразить ему, но в голову не приходит ни одного весомого довода. Если Егору не нужно утром ехать в офис, то и будить его в такую рань действительно необходимости нет.

– Присядь, поешь со мной, – предлагает Глеб, видя мое замешательство.

Он требовательно смотрит на меня, и я, словно загипнотизированная его взглядом, сажусь за стол напротив.

Придвигаю к себе тарелку, беру приборы и отправляю небольшую порцию омлета себе в рот. Удовлетворенно прикрываю глаза – он получился нежным и воздушным, просто тает во рту.

Глеб тоже начинает есть.

– Очень вкусно, Настя, – произносит, попробовав.

– Спасибо, – скромно отзываюсь я.

Дурацкое чувство неловкости не покидает, и это уже не на шутку начинает меня утомлять. Поднимаю глаза на Глеба и стараюсь вложить в свой голос как можно больше уверенности:

– Ты так схватил меня за руку, что я испугалась. Пожалуйста, не делай так больше.

– Извини, – безэмоционально отвечает он. И смотрит на меня равнодушно, словно сейчас очень глубоко погружен в свои мысли.

Мне снова начинает казаться, будто он чем-то опечален.

– Как… у тебя дела? – робко интересуюсь, заглядывая ему в глаза.

– Нормально.

– Как вчера посидели с Егором? У вас все хорошо?

– Конечно, все хорошо.

– Вы не поссорились случайно?

На этот вопрос Глеб не отвечает. Вместо этого вопросительно поднимает брови.

– Просто ты выглядишь каким-то подавленным, – пожав плечом, поясняю я. – И ты не захотел, чтобы я позвала его на завтрак…

– Нет, мы не поссорились, Настя. Я не подавлен, просто не выспался. У нас с Егором все отлично, не переживай.

– Зачем тогда ты так рано встал? Если не выспался?

– Хотел поговорить с тобой, – заявляет он.

– О чем? – удивленно тяну я.

Глеб медленно, будто не расслышав моего вопроса, отрезает ножом очередную порцию омлета на своей тарелке и отправляет её себе в рот. Неторопливо пережевывает. Лишь после этого вновь фокусирует на мне взгляд и будничным тоном интересуется:

– Скажи мне, Настя. Ты любишь моего брата?

Мгновение я смотрю на него, пытаясь понять, он шутит так или… К чему это?

– Конечно, люблю, – растерянно улыбаюсь. – А почему ты спрашиваешь?

– Сильно любишь? – снова интересуется он, игнорируя мой вопрос.

Я еще больше теряюсь. Разве такой факт может вызывать у кого-то сомнения?

– Конечно, сильно, – произношу возмущенно.

– А за что? – добивает меня он.

Хлопаю глазами:

– В смысле – за что?

– Ну за что ты его любишь? За какие-то его качества, или за отношение к тебе, или, может, за комфорт, который он тебе дает?

От последних его слов внутренности обжигает, словно кипятком. Я кладу приборы на стол, выпрямляю спину перпендикулярно полу и смотрю на старшего Орлова с неприятным изумлением.

– Ты что, сейчас пытаешься меня оскорбить?

– Нет, с чего ты взяла.

– Я люблю его, потому что люблю, – говорю довольно резко, почти чеканя слова. – Ни за что-то конкретное, а за все сразу. Потому что он – это он. Я понятно объясняю?

– Ты чего завелась? – негромко спрашивает Глеб, вновь глядя на меня каким-то несвойственным ему взглядом. Будто с теплом.

Но это ничуть не остужает мой пыл.

– Ты предположил, что я люблю твоего брата за комфорт! – с тихим негодованием упрекаю я.

– Я ничего не предполагал, я просто спросил.

Щеки у меня пылают. Придвигаю тарелку ближе к себе и начинаю налегать на омлет. Потом бросаю, снова поднимаю глаза на Глеба. Он не ест. Сидит, поставив локоть на стол и подперев подбородок, задумчиво смотрит на меня.

– Значит, ты встал сегодня с утра пораньше, чтобы спросить у меня, люблю ли я Егора? – не могу скрыть в голосе нотки раздражения.

– Нет. На самом деле, я хотел предложить тебе работу, – невозмутимо отзывается он.

Теперь приходит моя очередь удивленно вскидывать брови.

– Какую еще работу? – настороженно интересуюсь.

– У меня в Черногории остался бизнес. Я собираюсь открыть здесь филиал с последующим переносом «головы» в наш город. Сроки поджимают, искать кадры некогда, а ты отличный специалист. Я помню, как Лида тебя нахваливала. Поможешь мне?

Я несколько секунд хлопаю глазами, переваривая услышанное. Это настолько неожиданно, что напоминает какую-то нелепую шутку.

– Но у меня уже есть работа, Глеб… – растерянно произношу, не представляя, как реагировать на такое предложение.

– Ты можешь совмещать.

– Ну не знаю…

– Можешь не отвечать прямо сейчас. Подумай.

– Хорошо, – киваю, настороженно глядя на него. – Я подумаю. Только скажи, как твое предложение по работе связано с вопросом о моей любви к Егору? Я этот момент что-то никак не уловлю.

– Никак не связано, – усмехается Глеб. – Можешь считать, что я спросил тебя о чувствах к брату из праздного любопытства. Мы с Егором вчера рассуждали о любви – что это за явление такое, за что можно полюбить человека, а за что нельзя. Мне просто захотелось услышать еще чье-то мнение на этот счет. Вот и все.

– Вы с Егором рассуждали о любви? – удивляюсь я.

– Тебе сложно такое представить? – Губы старшего Орлова трогает мягкая улыбка. Это такое редкое явление, что я тут же начинаю несмело улыбаться ему в ответ. – Мы с ним можем открыто говорить на какие угодно темы.

– И Егор рассказывал тебе… о своих чувствах ко мне? – осторожно спрашиваю я.

– Ты ведь не станешь просить меня дословно пересказывать тебе наш разговор?

– Нет, конечно, – снова смущенно улыбаюсь. – Не стану.

Действительно, я что, хотела, чтобы он мне вот так взял и все выложил?

И почему это вдруг так меня разволновало? Ну говорил Егор обо мне с Глебом, и что здесь такого. Они же братья. Самые близкие люди. Я тоже Вике много чего рассказываю о наших отношениях.

Пока я продолжаю изумленно пялиться на Глеба, он теряет ко мне всякий интерес. Утыкается в свою тарелку и с аппетитом поглощает омлет. Опомнившись, я тоже начинаю активно работать приборами. Вскоре мы подчищаем наши тарелки и почти одновременно встаем из-за стола.

– Спасибо за завтрак. Было очень вкусно, – сдержанно благодарит меня старший Орлов.

– На здоровье, – вежливо отзываюсь я.

– Подумай над моим предложением, Настя, – вкрадчиво добавляет он.

Несколько раз согласно киваю и начинаю торопливо убирать со стола – время уже поджимает, скоро выезжать из дома, а я еще даже в душе не была.

Глеб неожиданно подключается к процессу уборки, помогает составить тарелки в посудомоечную машину. Оказывается сзади меня так близко, что я чувствую затылком его дыхание, и все волоски на теле встают дыбом.

– Я побегу, а то на тренировку опоздаю, – произношу с неловкой улыбкой, аккуратно покидая тесное пространство между Глебом и посудомоечной машиной.

– Беги, – позволяет он. – Хорошего тебе дня.

– И тебе… тоже.

Пулей вылетаю из кухни. В груди печет. Щеки горят. Да когда это закончится…

Врываюсь в спальню, как ураган, но уже в следующее мгновение замираю на пороге – Егор все еще спит на нашей с ним постели, раскинув руки в разные стороны. Даже позу не поменял.

На цыпочках, чтобы не разбудить его, прокрадываюсь в ванную. Принимаю душ, накладываю макияж и тихонько возвращаюсь обратно. Торопливо одеваюсь и бесшумно выскальзываю из комнаты. Раз уж ему не надо спешить на работу, пусть спит.

Внизу на выходе вновь сталкиваюсь с Глебом. Старший Орлов уже тоже успел переодеться и, судя по всему, собирается уезжать.

– Тебя подвезти? – спрашивает.

– Спасибо. Я на машине, – отвечаю, уводя в сторону взгляд.

Мы вместе спускаемся в гараж. Дверь позади нас захлопывается, а датчик движения почему-то не срабатывает, и мы остаемся в полной темноте.

Глеб хлопает в ладоши, но ничего не происходит. Я тоже резко взмахиваю рукой, но проклятое освещение никак не хочет загораться.

– Лампы, что ли, накрылись, – бормочет Глеб, включая вспышку на своем телефоне.

Я следую его примеру, одновременно делая осторожные шаги в направлении своей машины.

– Ай! – спотыкаюсь обо что-то на полу и падаю вниз.

– Ты в порядке? – встревожено интересуется Глеб. За секунду отыскивает меня на полу и помогает подняться.

– Да, спасибо…

Я больно ударилась коленкой во время падения, но ему об этом, конечно, не сообщаю.

– Что там валяется такое? – причитаю вместо этого.

– Не знаю, – раздается голос Глеба совсем рядом. – Аккуратно, давай я помогу тебе сесть в машину.

– Не надо, я сама…

Он не слушает. Скользит рукой вдоль талии, согревая её теплом. Подталкивает вперед. Кожу жжет в том месте, где она соприкасается с его ладонью, даже сквозь ткань. Я едва вспоминаю, что нужно открыть замок, нащупываю в кармане брелок от сигнализации, жму на нужную кнопку. «Камаро» приветливо отзывается, на доли секунд освещая темное прохладное помещение ослепительным светом фар.

Продолжая настойчиво удерживать ладонь на моей талии, Глеб подводит меня к машине. Открывает дверь с водительской стороны и будто невзначай проводит большим пальцем вверх и вниз по пояснице. Меня сначала бросает в жар, а после вдруг накрывает острым чувством дежавю.

Только это не настоящее дежавю. Потому что такое уже действительно было однажды. Давно. Два года назад. Когда он уводил меня пьяную из клуба, вот так же держал за талию и открывал передо мной дверцу такси.

Мне становится трудно дышать. Яркие воспоминания той ночи накрывают так остро, будто это случилось только вчера. Я отчетливо вспоминаю, как крепко его сильные руки сжимали меня в ту ночь. С какой жадностью он впивался в мои губы, с каким голодом смотрел мне в глаза.

Глеб берет меня за руку и крепко стискивает её, чтобы помочь сесть на водительское сидение, а я вспоминаю, как два года назад он так же крепко держал меня за руку, когда уводил из того проклятого клуба.

Становится душно, жарко, сглатываю слюну.

– Порядок, – произносит Глеб и захлопывает дверь, отрезая меня от наэлектризованного между нами пространства.

Я тихо выпускаю воздух из легких. Кажется, последние мгновения я и правда не дышала.

Нетерпеливо жму кнопку зажигания. Любимый «Камаро» отзывается утробным рыком. Включаю фары, и темнота вокруг наконец отступает.

Глеб беспрепятственно добирается до своего внедорожника, и вскоре мы с ним по очереди покидаем гараж.

Мне довольно сложно вести машину. Не понимаю, что со мной происходит. Когда он рядом, совсем не контролирую себя. Так не должно быть. Это неправильно.

Еще и ушибленное колено, оказывается, очень сильно болит. А там, в гараже, я даже не замечала…

Закусываю губу и жалобно скулю в голос. Хорошо я в машине одна и никто не слышит.

Все это неправильно и плохо. Очень плохо!

Когда же Глеб уже съедет?! Помочь ему с поиском квартиры, что ли?

А ведь он еще зовет меня с ним работать. Нет уж, это совершенно точно плохая затея. И почему я сразу не отказалась? Зачем пообещала ему подумать? Моя бедная голова напрочь отказывается работать в его присутствии.

У меня ведь есть любимая работа. Зачем мне еще одна? Совмещать – какой в этом смысл? Я буду разрываться между двумя зайцами и в конце концов не поймаю ни одного. Да и зачем мне это нужно? По старой профессии я не скучаю, нехватки в средствах тоже не испытываю благодаря Егору. Тогда зачем усложнять себе жизнь? Зачем? Зачем?!

Внутренний голос противно шепчет – потому что это Глеб попросил помочь.

Если бы он еще как-то по-другому это преподнес… А то – поможешь мне? Ну и как не помочь?

Снова закусываю губу, на этот раз почти до крови.

Глеб порой такой невыносимый хам… Но даже несмотря на это, отказывать ему невероятно сложно. Но я должна это сделать.

Приезжаю в «Банзай» в полном раздрае. Пытаюсь как можно скорее отвлечься, начинаю готовиться к занятию… и осознаю вдруг, что вести тренировку сегодня мне будет очень непросто. Колено болит все сильнее. Кажется, я здорово его ушибла.

Кое-как провожу первое занятие и понимаю, что второго просто не вынесу. Нужно ехать в больницу, делать снимок.

Прихрамывая, брожу по зданию спортивного комплекса, разыскиваю администратора, чтобы попросить найти мне замену и отпустить в больницу.

К глубочайшему разочарованию узнаю, что наш администратор на сегодня отпросился, и по всем вопросам надо идти напрямую к Ринату.

Обычно обратиться к нему с какой угодно просьбой – выше моих сил. В любой другой день я бы точно передумала, но сегодня не тот случай. Колено болит жутко, проигнорировать это и продолжить занятия было бы с моей стороны просто наплевательским отношением к себе.

Поэтому плотно сжимаю зубы и иду к нему в кабинет.

– Привет, Ринат! Можно к тебе?

Он, к счастью, на месте. Сидит за столом, рассеянно глядя в монитор. Но, увидев меня, сразу приободряется:

– Здравствуй, Настенька, – кивает мне с приторной улыбкой. – Как у тебя дела? Давно тебя не видел, уже успел заскучать!

Хочется закатить глаза или брезгливо поморщиться, но вместо этого я продолжаю смотреть на управляющего с застывшей на губах неестественной улыбкой.

– Спасибо, Ринат, у меня все хорошо, – отвечаю стандартной фразой, но потом спохватываюсь: – То есть, не совсем все. Сегодня утром споткнулась неудачно и колено ударила. Болит вот сильно. Хотела попросить тебя найти мне замену на вторую тренировку, чтобы в больницу съездить, сделать снимок.

– Дай-ка посмотрю. – Ринат выходит из-за стола и взглядом указывает на мою ногу, очевидно ожидая, что сейчас я закатаю вверх лосины и предъявлю ему доказательства своих слов.

– Да ты там ничего не увидишь, так, синяк небольшой, – отмахиваюсь я. – Но болит. Возможно, просто надо дома денек отлежаться.

– Давай, проходи сюда, садись. – Он, как обычно, не слушает моих слов, бесцеремонно берет меня под локоть и усаживает на диванчик у стены. – Давай я посмотрю, если там серьезная травма, это сразу видно…

– Ринат, в этом нет необходимости. – Я отодвигаюсь на диване как можно дальше, когда управляющий садится рядом. – Для этих целей я и собираюсь поехать в больницу. Ну хочешь, справку тебе потом привезу с диагнозом?

– Ну что ты, Настенька. Я хочу удостовериться, что тебе не опасно ходить. Если травма серьезная, лучше не нагружать ногу, а до машины добраться на каталке.

С этими словами его ладонь нагло опускается на мое колено и начинает осторожно поглаживать его, отчего по всему моему телу рассыпаются острые иглы отторжения.

– Ринат, прекрати, – с раздражением произношу я, свожу колени вместе и отодвигаю их в сторону. Потом вспоминаю, что он все-таки мое начальство, а я очень люблю свою работу, и конфликты мне здесь не нужны. Поэтому изображаю на губах милую улыбку и перевожу все в шутку с вполне очевидным подтекстом: – Ты ведь не хочешь, чтобы я подала на тебя иск за сексуальные домогательства?

Управляющий громко смеется. Мне его смех неприятен, впрочем, как и все в нем. И так было с самого начала, даже когда он еще не приставал. Не знаю, почему. Ринат вполне нормально выглядит. В прошлом спортсмен, штангист. Вдвое шире меня в плечах и выше почти на голову. Вообще красивый мужик, если

объективно судить. Но я объективно судить не могу. Невзлюбила с самого начала и пока изо дня в день только больше убеждаюсь, что не зря.

Просмеявшись, Ринат начинает пристально смотреть мне в глаза. С улыбкой. Но несмотря на эту улыбку, взгляд его мне кажется злым. И это напрягает.

– Да ты, Настенька, похоже, не знаешь, что такое настоящие домогательства, – елейным голосом произносит он.

– Надеюсь, что никогда и не узнаю, – в тон ему отвечаю я. – Так ты отпустишь меня в больницу или нет?

– Езжай в свою больницу.

– Спасибо.

Неприятная улыбка на губах мужчины становится шире.

– Свои люди. Сочтемся, – вкрадчиво произносит он.

Я натянуто улыбаюсь в ответ и мысленно показываю ему комбинацию из неприлично сложенных пальцев.

3 глава

Больницу я покидаю в не самом хорошем расположении духа.

Нет, к счастью, ничего страшного с коленом у меня не случилось. Просто сильный ушиб. Но хирург посоветовал мне взять как минимум двухнедельный перерыв в работе и выписал больничный лист. А также велел поменьше ходить и вообще обеспечить ноге покой, насколько это возможно.

Я и сама предполагала такой исход событий, но это не помешало мне расстроиться. За две недели, что мне предстоит провести дома, лежа на диване,

я просто умру от скуки.

Но это еще не самое страшное.

В любое другое время я бы как-нибудь пережила заточение дома. Читала бы книги, пересмотрела все последние кино-новинки. Но сейчас, когда с нами живет Глеб… Невроз мне обеспечен. Если только он не съедет в ближайшие дни. Или я не научусь сохранять самообладание в его присутствии. Что будет сделать невероятно сложно.

Забираюсь в машину, завожу двигатель и некоторое время сижу, неуверенно сжимая руль. Никак не могу заставить себя тронуться с места. Ехать домой не хочется до скрипа зубов. Вдруг Глеб там? Егор-то наверняка уже уехал на работу…

В конце концов, решаю отправиться в гости к маме. Она у меня живет в пригороде, дорога туда и обратно как раз позволит мне скоротать время до вечера. К тому же я уже давненько у нее не была.

По пути заезжаю в магазин. Кое-как, прихрамывая, прохожусь между полками, покупаю мамины любимые конфеты, печенье, фрукты, оплачиваю всё на кассе и собираюсь наведаться еще в чайную лавку, когда мой телефон в кармане начинает вибрировать от входящего вызова.

Звонит Егор. Прежде чем ответить, успеваю почувствовать легкий укол совести в грудной клетке – время уже перевалило за обед, а я своему мужчине еще даже ни разу не позвонила и не написала.

Но судя по интонации, любимый на меня за это совсем не обижается. Его голос звучит из трубки бодро и непринужденно.

– Привет, малыш. Ты чего сегодня убежала, даже меня не разбудила?

– Привет, – со вздохом отзываюсь я, прижимая телефон плечом к уху и продолжая потихоньку ковылять в сторону чайной лавки. – Глеб сказал, что ты к обеду в офис поедешь, и я решила дать тебе выспаться. Вы же вчера поздно вернулись.

– Не обижаешься на меня случайно? – настороженно интересуется будущий муж.

– Нет, конечно, – тут же заверяю я. – За что мне на тебя обижаться?

– Не знаю. Голос у тебя не такой, как обычно.

– Да в гараже что-то с освещением случилось, я сегодня утром споткнулась там в темноте и упала. Ударила колено сильно, – жалуюсь ему, почему-то не в силах заставить себя сказать, что при этом еще присутствовал Глеб. – Съездила в больницу, мне дали больничный на две недели. Вот теперь от тоски, похоже, помру за эти две недели дома. Кстати, надо вызвать электрика, наверное…

– С коленом что? – перебивает меня Егор. Его голос теперь звучит строго.

– Да ушиб просто. Ничего страшного.

– Лекарства тебе какие-нибудь прописали?

– Мазь только…

– Купила?

– Нет. Да зачем она нужна? И так заживет.

– Скинь мне название мази, я вечером заеду в аптеку, куплю.

Я невольно начинаю улыбаться.

– Ты же мой заботливый, – произношу ласково. – Скажи лучше, во сколько тебя сегодня ждать?

– Сегодня планирую немного задержаться. Не раньше восьми, думаю.

– Я просто собираюсь к маме съездить, раз уж на работу мне возвращаться нельзя. Давно уже у неё не была.

– А нога как? Тебе, наверное, нежелательно сейчас её лишний раз нагружать. Лучше домой езжай.

– Да я не нагружаю, Егор, на машине же.

– Левая нога?

– Да, левая.

– Ну хорошо, малыш, езжай. Только давай там осторожнее.

– Не переживай, коть. До вечера. Целую тебя.

– И я тебя.

* * *

У мамы дома, как обычно, кипит работа. Она с легкостью может одновременно делать уборку, готовить ужин и смотреть сериал на прикрученном к стене плоском телевизоре. Вот и сейчас встречает меня со шваброй в руках. Не успеваю я переступить порог, порывисто обнимает:

– Ой, Настя, привет! – Сразу же разворачивается и уходит куда-то вглубь дома. – Дочь, я тебя сегодня не ждала, ты чего не позвонила даже? – бросает через плечо на ходу.

Сунув пакет с гостинцами себе подмышку, я аккуратно разуваюсь и, прихрамывая, плетусь вслед за ней.

– Да вот, внезапно полдня у меня освободилось. Решила заехать. Это тебе.

Дожидаюсь, пока она перестанет помешивать что-то в сковороде, и вручаю ей пакет.

– Спасибо, – чмокает меня в щеку мама. – Ты голодная?

– Нет, мам. Но от чая не откажусь.

– Иди тогда руки мой, сейчас чайник поставлю.

Я послушно киваю и ковыляю в сторону ванны. Мою руки и точно таким же образом перемещаюсь обратно на кухню. За своими хлопотами мама даже не замечает, что я прихрамываю. Оно и к лучшему. Не придется рассказывать ей, как такое произошло, и еще раз вспоминать сегодняшнее непростое утро.

Вскоре чайник на плите разражается оглушительным свистом, мама выключает его и заваривает свой любимый привезенный мною марокканский чай с мятой.

– Как там Егор? – интересуется, разливая ароматную жидкость по чашкам.

– Как и всегда. Отлично, – пожимаю плечом, с улыбкой глядя на нее. Оказывается, я успела сильно соскучиться.

– Вы дату еще не назначили?

– Нет пока, мам. У него много работы, новые проекты. В общем, пока не до свадьбы.

– Насть. – Мама с осуждением качает головой. – Чего тянуть? Лето уже на исходе, середина августа. Там еще сентябрь, октябрь, а потом? Не зимой же жениться. Или вы собрались до следующего года ждать?

– Мамуль, разберемся, – мягко отвечаю я. – Не переживай.

Настроение от такого разговора у меня начинает неизбежно портиться. Я и сама об этом постоянно думаю. Но оба раза, когда я пыталась завести с любимым разговор о дате, он предлагал обсудить это позже, ссылаясь на нехватку времени. Егор действительно очень много работает последнее время. Его компания быстро развивается и требует активного участия во всех процессах.

Для себя я решила больше к нему не приставать. Уверена, как только появится возможность – он сам об этом заговорит. Только вот с недавних пор обстоятельства немного изменились. Необходимость забеременеть в ближайший

год всё усложнила.

Рассказывать об этом маме я, конечно, не собираюсь. Ни к чему ей лишние тревоги. Для неё я всегда здорова и счастлива. Что бы ни происходило на душе.

Однако сегодня она будто читает мысли.

– Дочь, вы разберетесь, конечно, я не сомневаюсь, – недовольно говорит. – Только тебе тридцать два уже. Пора бы о ребеночке подумать. Ну сколько еще ждать? Работа эта никогда не закончится, до самой пенсии.

Её беспокойство я прекрасно понимаю, но несмотря на это, сказанное меня все равно задевает и злит. Потому что правда.

– Мам, а если я вообще не захочу ребенка, тогда что? – в сердцах выпаливаю я. – Неужели все должны обязательно рожать?

Мамин взгляд делается настороженным, она склоняет голову набок и некоторое время смотрит на меня, сузив глаза.

– Представь, если бы я тебя не родила в свое время, Насть. Что бы сейчас со мной было? Мы бы не сидели вот так с тобой и не пили бы чай. Я была бы совсем одна. А сколько счастливых моментов в своей жизни не пережила бы?

– Зато тебе бы не было так тяжело, когда отец тебя бросил одну с маленьким ребенком, – с горечью возражаю я. – И не пришлось бы разрываться между мной и работой. У тебя была бы своя жизнь, и ты наверняка нашла бы себе достойного мужчину. Снова бы вышла замуж, не жила бы сейчас одна и была бы очень счастлива.

Мама отрицательно качает головой.

– Я бы ни за что не променяла тебя ни на одного мужчину, Настя. И если бы можно было вернуться назад, когда я сомневалась, стоит рожать от твоего отца или нет, я бы поступила точно так же. Да, может быть, я не смогла обеспечить тебе счастливое детство, не уделяла достаточно времени… И я себя корю за это…

– Мама, перестань, что ты такое говоришь. У меня было самое счастливое детство, – тихо произношу я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Она никогда раньше не говорила мне ничего подобного.

– Насть, ты пойми одно. Мне страшно даже представить, что тебя у меня бы не было.

Я не выдерживаю, порывисто поднимаюсь со стула, забыв про колено, быстро обхожу стол, сажусь рядом с ней и крепко обнимаю.

– Мамуль, как я тебя люблю! – шепчу, прижимаясь щекой к груди.

Мама тоже меня обнимает и, как маленькую, ласково гладит по голове.

– Так что я не хочу ничего слышать о том, что тебе не нужен ребенок, – говорит с напускной строгостью. – Пока у тебя есть силы и возможность – рожай. Я помогу, чем смогу. Егор хороший парень, вы два года уже вместе. Предложение сделал. Чего ты ждешь? Я внуков хочу, в конце концов!

Я не выдерживаю и негромко смеюсь сквозь слезы, отстраняюсь от мамы и заглядываю ей в глаза.

– Да знаю я, знаю, мам. Я просто так это сказала. На самом деле я хочу ребенка. И надеюсь, что в ближайшее время мы с Егором решимся на этот шаг. Только не надо на меня давить, ладно?

– Все, я молчу. – Мама с самым серьезным выражением лица проводит по своим губам большим и указательным пальцами, изображая, будто застегивает молнию. А потом не выдерживает и начинает довольно улыбаться.

* * *

Домой я приезжаю, когда на улице уже начинает темнеть. Машину ставлю у въезда в гараж, не хочу снова блуждать в темноте.

Захожу в дом, сбрасываю обувь, осматриваюсь. Кажется, будто внутри никого нет. Свет нигде не горит. Поднимаюсь на второй этаж и слышу приглушенные звуки стерео-системы, доносящиеся из комнаты с домашним кинотеатром. Подхожу ближе, приоткрываю дверь, заглядываю внутрь. И мне открывается очень трогательная картина.

Глеб с Егором лежат на диване головами друг к другу и смотрят фильм. Оба в футболках и свободных домашних брюках. И так похожи, что я не понимаю сначала, кто из них кто.

Но когда один из братьев поднимает голову и замечает меня, безошибочно угадываю, что это Егор. Он начинает тепло улыбаться мне, перемещаясь в сидячее положение, и хлопает по дивану рядом с собой, подзывая меня.

– Малыш, привет. Иди к нам.

Глеб тоже поворачивает голову в мою сторону и садится. Но ничего не говорит.

Я, прихрамывая, приближаюсь к ним. Сажусь рядом с Егором, и он тут же заключает меня в нежные объятия. Коротко целует в губы, а мне почему-то вдруг становится очень неловко. Я не вижу, но буквально кожей чувствую, что Глеб наблюдает за нами.

– Как твое колено? – спрашивает Егор, накрывая ладонью чашечку. – Дай посмотрю.

– Да ты ничего не увидишь в темноте, – отмахиваюсь я.

Но он все же закатывает вверх штанину моих брюк и начинает разглядывать небольшую припухлость на суставе и синяк.

Комната освещена лишь мерцанием экрана телевизора, но Егору этого оказывается достаточно. Он осторожно гладит поврежденную кожу большими пальцами, потом наклоняется к ноге и оставляет нежный поцелуй. Я смущаюсь еще сильнее.

Бросаю быстрый взгляд на Глеба, который сидит по другую сторону от брата на расстоянии вытянутой руки. Откинувшись на спинку дивана и сложив на нее обе руки, старший Орлов внимательно наблюдает за нами. С интересом. Будто изучает. У меня в груди начинает знакомо печь.

– Вы, наверное, голодные, – смущенно произношу я, мягко отстраняя Егора от своей ноги и поспешно спуская вниз штанину.

– Нет, малыш, мы поужинали, – отвечает он. – Не дождались тебя.

– Молодцы, правильно сделали. А я вот успела немного проголодаться, пока от мамы доехала. Пойду приготовлю себе что-нибудь.

Порываюсь встать с дивана, но Егор не позволяет. Ловит за руку, усаживает обратно.

– Ты что? Сиди. Я сам все сделаю. Что бы ты хотела поесть?

– Ну прям, Егор. Это всего лишь ушиб. Я в состоянии сама…

– Сиди, отдыхай, – упрямо возражает Егор. – Позволь мне поухаживать за тобой, хотя бы когда ты болеешь.

– Ну хорошо… – со вздохом сдаюсь я.

– Хочешь пасту с грибами и сыром?

– Да, не откажусь, – смущенно улыбаюсь.

– Я тогда сейчас разогрею и принесу сюда.

Егор снова целует меня в губы, поднимается и уходит. Оставляя меня с Глебом наедине.

Мне чудовищно неловко. Я не понимаю почему. Забираюсь с ногами на диван, облокачиваюсь на спинку и пытаюсь сделать вид, что очень заинтересовалась

происходящим на экране.

Взгляд Глеба прожигает левую сторону лица. Я снова не вижу, а чувствую это.

– Что за фильм вы смотрите? – интересуюсь, чтобы избавиться от дурацкой неловкости.

– «Достучаться до небес», – отвечает он, не сводя с меня глаз.

– О, давно хотела его посмотреть! – воодушевленно отзываюсь я.

– Один из наших любимых с Егором фильмов.

– Он никогда мне не говорил…

Глеб переводит взгляд на экран и смотрит туда какое-то время. Я, наконец, могу свободно дышать. И следую его примеру, поворачиваю голову к телевизору.

На экране какой-то мужик вручает маленькой девочке толстую сигару. Я удивленно вскидываю брови от этой странной картины и снова чувствую на себе взгляд Глеба.

Не выдерживаю, поворачиваю к нему голову и вопросительно смотрю в ответ. Только старшего Орлова это ничуть не смущает. Он продолжает пялиться на меня, и теперь мне становится еще более неловко.

– Почему ты так смотришь на меня? – сдержанно улыбаюсь, пытаясь придать этому вопросу шутливую форму. – Во мне что-то не так?

– Колено сильно болит? – интересуется он, игнорируя мои вопросы.

– Да ерунда, – морщусь я с напускным весельем. – Завтра вызову электрика. Вы же с Егором машины свои загнали в гараж, там по-прежнему темно?

– Нет, там уже все в порядке, Настя. Датчик движения накрылся, я его заменил.

– А-а-а, – растерянно тяну я. – Здорово…

– Ты подумала над моим предложением?

– Нет. То есть, да. Глеб, я… Думаю, что я откажусь. Если хочешь, могу помочь найти тебе хорошего специалиста, у меня остались знакомые.

– Почему ты сама не хочешь?

Мне невероятно сложно ответить на этот вопрос. Нужно было заранее как-то подготовиться, но я об этом не подумала. И теперь заикаюсь и страшно туплю:

– Я просто… Мне будет сложно совмещать… И помимо работы в зале еще столько дел…

– Хорошо. Но если вдруг передумаешь, имей в виду, мое предложение остается в силе.

Вместо того чтобы сказать ему, что я не передумаю, зачем-то киваю. И незаметно морщусь от боли. От согнутого положения колено начинает нестерпимо ныть, и мне приходится выпрямить ногу, спустив ее на пол. Глеб внимательно прослеживает глазами за этим движением, будто я делаю что-то очень увлекательное, и мне вмиг становится душно от такого повышенного внимания.

– Что-то я так устала сегодня… Пойду, пожалуй, прилягу.

Я порывисто поднимаюсь с дивана и, изо всех сил стараясь не хромать, направляюсь к выходу из комнаты.

– Давай, – ровным голосом отзывается Глеб и провожает меня взглядом до самой двери.

* * *

Оказавшись в нашей с Егором спальне, я прислоняюсь спиной к двери и шумно выпускаю воздух из легких.

Нет, так нельзя.

Это безумие какое-то. Я не должна так реагировать на присутствие старшего брата.

Отталкиваюсь от двери, прохожу вглубь комнаты и осторожно укладываюсь на кровать. Чувствую себя уставшей и морально истощенной.

Почему я так смущаюсь, стоит его увидеть? Чем вызваны все эти неуместные эмоции по отношению к Глебу?

Я люблю Егора. Очень люблю. Я счастлива с ним. И мне очень страшно, что появление Глеба может все разрушить.

Зачем он так смотрит на меня? Или ничего в его взгляде плохого нет, и я просто сама себя накручиваю?

Наверняка всему причиной та ночь с Глебом. Господи, сколько я себя за нее корила! Наверное, до сих пор так и не смогла смириться, раз впадаю в панику каждый раз, стоит оказаться со старшим Орловым наедине.

Поскорее бы он уже съехал…

Дверь спальни с негромким щелчком открывается и на пороге появляется Егор с подносом в руках.

– Малыш, ты что, уже спать улеглась? – интересуется он. – Давай сначала все же поешь.

– Да я просто прилегла, коть, устала что-то сегодня сильно, – тепло улыбаюсь ему.

Все-таки он у меня замечательный. Самый лучший на свете.

Поднимаюсь и удобно усаживаюсь у изголовья кровати. Егор ставит поднос с ужином передо мной и садится рядом.

– М-м-м, какая вкуснятина, – говорю с полным ртом, с наслаждением прикрыв глаза. – Откуда это?

– В «Дель-папа» заказал.

– Я так и подумала, – киваю я. – У них самая крутая паста в городе.

– Неправда. Самую крутую пасту готовишь ты, – очаровательно улыбается мой возлюбленный.

Я проглатываю порцию тающего во рту блюда и расплываюсь в ответной улыбке:

– Льстец.

– Это чистая правда, – с хитрым прищуром возражает Егор.

– Да ну тебя, – отмахиваюсь я, продолжая уплетать за обе щеки. – Как день прошел? Как твои китайцы?

– Все отлично, малыш. Работа кипит. Люблю, когда так.

– Я, кстати, хотела поговорить с тобой… об этом.

– О работе?

– Не совсем. Погоди. – Прожевав очередную порцию пасты, беру с подноса стакан со своим любимым вишневым соком и делаю несколько крупных глотков.

– Давай ты доешь сначала, потом поговорим, – предлагает любимый.

– Окей. Ты тогда пока расскажи, что еще интересного у тебя на работе. Какие теперь планы?

Егор с энтузиазмом начинает делиться задумками о будущих проектах, которые кажутся мне почти нереальными. Он у меня очень амбициозен, и это качество в нем восхищает. Я с искренним интересом слушаю его, активно пережевывая пищу.

Когда на тарелке не остается ни кусочка, Егор забирает поднос и относит его на комод. После забирается ко мне на постель, садится рядом, привлекает к себе, обнимает.

– Так о чем ты хотела поговорить?

Я тихонько вздыхаю, собираясь с мыслями. Говорить о таком непросто.

– Егор, я понимаю, что ты сейчас полностью поглощен работой, и у тебя такие далеко идущие планы… Ты просил меня подождать со свадьбой, но из-за ситуации с моим здоровьем, получается, ждать уже не вариант. Нужно планировать ребенка в ближайший год, и было бы неплохо для начала хотя бы определиться с датой свадьбы. Конечно, если ты в принципе хочешь ребенка. Мы никогда об этом с тобой не говорили …

Некоторое время Егор молчит. Продолжает обнимать меня и монотонно поглаживает пальцем мою ладонь.

– Да, я думал об этом, Настьь, – наконец произносит. – Может, тебе стоит все-таки обратиться к другому врачу? Я не силен в медицине, но если честно, такие странные советы вызывают сомнения. Разве можно вылечить болезнь беременностью?

– У меня нет сомнений по поводу компетентности моего врача, Егор, – строго возражаю я. – Уверена, любой другой врач скажет мне то же самое. К тому же эту информацию подтвердил гугл, я ведь тебе говорила.

– И все же мне было бы спокойнее, если бы ты обратилась в другую клинику.

Я отстраняюсь от него и пытаюсь заглянуть любимому в глаза.

– Скажи честно, ты не хочешь детей?

– Хочу, конечно, – уверенно отвечает он. – Просто сейчас не самое подходящее время.

– А когда будет подходящее? У тебя такие планы наполеоновские по поводу твоей работы. Вряд ли в ближайшие год-два ты их все осуществишь. Так когда мы задумаемся о детях? Через десять лет?

– Ну почему сразу через десять лет?

– Ну а когда?

Егор вздыхает.

– Ты права. Права, Настя.

– Ты не хочешь детей, – упавшим голосом констатирую я.

– Перестань. Сказал ведь что хочу. Иди сюда. – Снова притягивает меня к себе и целует несколько раз подряд в висок. – Прямо сейчас пойду и выброшу все наши презервативы.

Я невольно усмехаюсь.

– Ты сам-то еще у меня как ребенок, – произношу с мягким укором. – Хотя вроде такой большой уже мальчик.

– Ну спасибо, – смеется он, – мамочка.

Я вздыхаю.

– Ну а что с датой будем делать? Может, выберем уже какое-нибудь число? Да я потихоньку начну заниматься подготовкой к свадьбе. Я слышала, что хорошие рестораны надо чуть ли не за год вперед бронировать.

– Вот с этим сложнее, – приняв серьезный вид, отвечает Егор. – Надо позвонить родителям. Узнать, когда они смогут приехать.

– Ты им еще не говорил?

– О чем?

– Ну, что предложение мне сделал.

– Нет. Ты же знаешь, мы не каждый день общаемся.

– Твоя мама вроде недавно тебе звонила.

– Да мы поговорили с ней всего пару минут. Я, если честно, и забыл.

– Понятно…

– Насть, ты же не будешь дуться на меня из-за этого?

– Не буду, конечно, – отвечаю, пряча досаду за игривой улыбкой. – Ладно, пойду приму душ. А ты можешь пока сходить выбросить презервативы.

Егор широко улыбается мне в ответ.

* * *

Стоя под струями душа, никак не могу отделаться от неприятного осадка в груди после разговора с любимым. В голове не укладывается, что он не хочет детей. И пусть мы об этом действительно никогда раньше не говорили, но отчего-то я всегда была уверена, что он хочет. И убеждена – из него выйдет отличный отец.

А может, причина во мне?

В памяти всплывает разговор двухгодичной давности, когда мы с Егором только познакомились и отправились на ужин к моей маме в качестве влюбленной пары. Тогда на бестактные вопросы маминых подружек он заявил, что давно мечтает о семье и детях. Возможно, Егор так сказал лишь для того, чтобы произвести хорошее впечатление, но я приняла все за чистую монету. Наверное поэтому

теперь никак не могу поверить, что на самом деле все может обстоять совершенно иначе.

Или действительно причина во мне.

Или я снова себя накручиваю, потому что корю себя за эти неуместные эмоции по отношению к Глебу и ту нашу ночь…

Может, все куда проще. Егору действительно пока не до детей из-за работы. В конце концов, он ведь в итоге согласился с моими доводами? Презервативы выбросить пообещал… Может, я зря переживаю?

Выбравшись из душа, заматываюсь в полотенце и возвращаюсь в спальню, намереваясь проверить на деле, правда ли любимый готов совершать подвиги. Секса без защиты у нас не было… никогда. Случится ли он сегодня?

В спальне теперь темно, очевидно, Егор погасил свет. Сбрасываю с себя полотенце, грациозной походкой приближаюсь к кровати… И понимаю, что нет. Этой ночью ничего особенного между нами точно не будет. Потому что Егор уже спит.

Делать нечего, надеваю ночную сорочку и забираюсь к Егору в постель. Обнимаю со спины, вдыхаю любимый запах его кожи, закрываю глаза. Лежу, лежу… А мне совсем не спится. Сна ни в одном глазу.

В другой раз я бы наверняка отправилась посмотреть фильм или спустилась на кухню сварить себе кофе. Несмотря на то, что кофе принято считать бодрящим напитком, на меня он почему-то влияет ровно противоположным образом. Нагоняет сон.

Однако сегодня я совершенно точно никуда не пойду. Даже если не смогу уснуть до самого утра. Слишком велика вероятность встретить Глеба.

Ох, зря я о нем подумала. Его тяжелый сканирующий взгляд из-под бровей тут же возникает в памяти, и сердце начинает биться чаще.

Пытаюсь выбросить из головы эту картину, усмирить нарастающее в груди волнение … Чувствую себя погано – обнимаю младшего брата, а сама думаю о старшем. Это отвратительно.

Выпускаю Егора из объятий, отворачиваюсь к нему спиной. Почему-то хочется плакать.

Долго мучаюсь, кручусь на постели и так и эдак, пока наконец не засыпаю. Но и во сне Глеб не дает мне покоя. Снится зачем-то. Мы с ним во сне делаем настолько неприличные вещи, что, проснувшись утром, я чувствую себя еще хуже, чем перед тем, как заснуть.

Хорошо, что Егора рядом уже нет, и мне не приходится смотреть ему в глаза. Чувствую себя так, будто изменила ему этой ночью. Да и вообще ощущаю себя совершенно разбитой. Не только морально, но и физически. Поясницу тянет, суставы выкручивает.

Когда сонливость отступает окончательно, понимаю, что плохое самочувствие у меня не просто так. Иду в ванную и убеждаюсь в своей догадке – начались эти дни. Раньше, чем должны были. Наверное, всему виной стресс.

Умываюсь, привожу себя в порядок и спускаюсь на первый этаж. Колено все еще болит, но уже не так сильно. Я почти не хромаю.

На кухне застаю Глеба, отчего сердце уже привычно пускается вскачь. Стараюсь не придавать значения и вести себя непринужденно.

Старший Орлов вновь колдует у кофе-машины. Заметив меня, оборачивается, смеряет внимательным взглядом.

– Доброе утро, – приветливо улыбаюсь я. – Егор уже уехал на работу?

– Доброе, – сдержанно отзывается старший брат. – Да, уехал. Просил накормить тебя завтраком, когда ты проснешься.

– Он иногда немного перегибает с заботой, – смущенно отвечаю я. – Не беспокойся, я сама сейчас что-нибудь приготовлю.

Бодро иду к холодильнику, колено от такой походки начинает болеть чуточку сильнее, но я мужественно терплю. И опрометчиво оказываюсь к Глебу спиной.

– Ой! – вскрикиваю, когда сзади меня обхватывают за талию и с легкостью поднимают в воздух. – Глеб, что ты…

Смущение, возмущение и еще бог знает что охватывает меня с ног до головы, когда я оказываюсь у него на руках, прижатой к его груди.

– …что ты делаешь? – испуганно спрашиваю, глядя ему в глаза. Которые находятся сейчас так близко. Непозволительно близко.

Уголки его губ дергаются вверх, будто в намерении улыбнуться, но все же Глеб не улыбается. Просто смотрит на меня так, что захватывает дух.

Несет меня куда-то, заставляя запаниковать. Но это чувство не успевает перерасти в нечто большее, потому что вскоре он бережно усаживает меня за стол.

– Садись, сестренка. И сиди, – строго приказывает Глеб. – Ты ешь яичницу?

– Ем, – едва слышно произношу я, продолжая обескуражено хлопать глазами.

– Вот и славно, – отзывается он, отправляясь к холодильнику.

В тихом шоке я наблюдаю, как Глеб готовит мне яичницу. Сейчас он с легкостью мог бы поджарить её на моих щеках.

Когда буря внутри начинает утихать, я судорожно пытаюсь понять, как относится к его выходке. Глеб только что поднял меня на руки. И следом назвал «сестренкой». То есть, с его стороны это такая «братская» забота? Я так должна это воспринимать? Интересно, при Егоре он тоже может выкинуть нечто подобное? От одной мысли об этом под ложечкой неприятно сосет.

Вскоре на стол передо мной опускается тарелка с двумя идеальными кругляшами глазуньи и ароматный латте. Глеб садится напротив с одинокой чашкой кофе.

– Спасибо, – тихо произношу я.

– Пожалуйста.

– А себе почему не сделал? – зачем-то спрашиваю, кивая на свою тарелку. Вместо того чтобы сказать ему «больше так не поступай».

– Я не завтракаю, – отвечает он.

– Понятно…

Опуская взгляд, начинаю есть. Глазунья у Глеба получилась что надо. Видимо, кулинарный талант – это у Орловых семейное. Однако каждую порцию яичницы я запихиваю себе в рот через силу. В груди все горит от ощущения неправильности происходящего. Я должна была возмутиться его действиям, а не принимать это как само собой разумеющееся. Хотя бы упрекнуть, сказать, чтобы больше так не делал… А я сижу и трусливо молчу.

Поднимаю взгляд, ловлю на себе ответный, мгновенно смущаюсь и снова опускаю глаза. Это какой-то кошмар.

– Глеб, пожалуйста, не делай больше так, – все-таки выдавливаю из себя, так и не осмеливаясь больше взглянуть старшему Орлову в глаза.

– Как? – невинно интересуется он.

– Не поднимай меня на руки, – глухо поясняю я.

– Почему?

Он издевается?

Вскидываю голову и с пылающими щеками смотрю на его невозмутимое лицо.

– Потому что это неправильно, – медленно произношу. – Неужели ты сам этого не понимаешь?

Глеб собирается что-то мне ответить, но не успевает. По кухне разливается трель телефонного звонка, доносящаяся из моего кармана.

Выуживаю трубку, бросаю беглый взгляд на экран и слишком поздно осознаю, что недовольно кривлю лицо. Звонит Ринат. Что ему могло понадобиться от меня в такую рань? Но как бы там ни было, разговаривать при Глебе со своим боссом даже не собираюсь. Сбрасываю звонок и торопливо прячу телефон обратно в карман.

– Кто звонил? – интересуется Глеб.

– Да так, с работы, – морщусь я, с нарочитым усердием начиная ковырять вилкой яичницу.

– Почему не ответила?

Раздраженно прикрываю на секунду глаза. Поистине, «почему» – это любимый вопрос Глеба!

– Не хочу сейчас ни с кем разговаривать. Потом перезвоню.

– Вдруг что-то важное, – справедливо замечает он.

– Вряд ли, – сухо произношу я, продолжая орудовать вилкой.

Проклятый телефон начинает звонить вновь. Сую руку в карман и, не извлекая оттуда гаджета, пытаюсь нащупать рычажок выключения звука на боковой панели корпуса. Через пару секунд мне это, наконец, удается, и я возвращаюсь к трапезе.

Глеб пристально наблюдает за мной, склонив голову на бок. Больше ничего не спрашивает и не говорит.

Мне почему-то становится неловко. Мало ли что он мог подумать?

И тут же злюсь на себя за такие мысли. Какое мне до этого дело? Глеба уж точно не касается, кто мне звонит. И отчитываться, почему не отвечаю на звонки при нем, я не обязана.

– Спасибо большое за завтрак, – вежливо благодарю, отодвигая от себя наполовину опустевшую тарелку. – Я, пожалуй, пойду наверх.

Глеб не произносит в ответ ни слова. Продолжает молча наблюдать за мной, слегка сузив глаза.

Я встаю и торопливо ухожу из кухни, даже не потрудившись убрать за собой посуду со стола.

4 глава

Сижу на подоконнике в нашей с Егором спальне, смотрю вдаль. Люблю иногда вот так забраться сюда с ногами, прихватив с собой пару подушек с кровати. Одну подкладываю себе под спину, чтобы комфортно было опираться на оконный откос, а вторую просто обнимаю, прижав покрепче к груди. Вроде мягкой игрушки. Это нехитрое действие дарит мне ощущение уюта.

Из этого окна отлично просматриваются горы. Бескрайние, величественные, с живописными белыми шапками на самых острых вершинах. Обожаю ими любоваться. Произведение искусства, созданное самой природой.

Могу часами сидеть здесь. Думать, мечтать… Зимой еще обязательно беру с собой чашку горячего кофе или какао с молоком, но летом вполне достаточно открытого окна, овевающего лицо свежего ветерка и ярких солнечных лучей, заставляющих иногда щуриться, пряча глаза за ресницами.

Вот только сегодня мне ничего не достаточно. Как ни стараюсь, не могу проникнуться величием природы. Расслабиться, отвлечься, подумать о чем-то приятном. Сижу напряженная вся, как струна, и чего-то жду. Сама не понимаю чего. И лишь когда из гаража появляется и вскоре покидает территорию дома черный внедорожник Глеба, осознаю, что ждала именно этого.

Выдыхаю. Становится легче. Свободнее.

Сразу же достаю из кармана телефон и перезваниваю Ринату. Узнать, что понадобилось ему от меня в такую рань? Вчера ведь написала сообщение, что ухожу на больничный, он ответил «окей». Так что еще?

Оказывается, босс решил справиться о моем здоровье. На вопрос, почему нельзя было написать в мессенджер, нагло заявил, что хотел услышать мой голос.

Кладу трубку злая как собачка. Бесит. И самое обидное, что даже послать его не могу. Прямым текстом. А намеков, даже очень грубых, этот человек не понимает.

Тяжело вздыхаю, тапаю по экрану большим пальцем, листая список контактов. Нахожу номер Егора, нажимаю «Вызвать». Долго слушаю длинные гудки, но любимый не берет трубку. Сбрасываю, набираю еще раз, но результат остается прежним.

Не люблю, когда он не отвечает на мои звонки.

Убираю телефон обратно в карман, смотрю вдаль. На горы.

Почему-то снова хочется плакать. Безо всякой на то причины. Это все чертов ПМС. Гормоны. Будь они неладны. Так хочется ласки, тепла, любви. Объятий. А любимый даже трубку не берет.

Всхлипываю.

Зачем-то начинаю вспоминать, как Глеб сегодня взял меня на руки, прижал к своей груди, и сердце предательски замирает.

Если бы не было между нами той проклятой ночи, возможно, я бы и правда смогла относиться к нему как к брату. Любить его сестринской любовью. И не вести себя, как перепуганная лань, стоит ему подойти ближе.

Подумаешь, поднял на руки? Что здесь такого страшного? Будь он мне настоящим братом, я бы даже значения этому не придала. Ведь брат вполне может взять на руки свою сестру, обнять, поцеловать даже. В щеку, разумеется.

Или в лоб. Или в затылок, например. И ничего плохого в этом нет. И дрожать вот так, как я дрожу сейчас, всего лишь представив эти невинные поцелуи в исполнении Глеба по отношению ко мне, совсем неправильно.

Так не должно быть. И эту проблему нужно как-то решать. Потому что Глеб теперь всегда будет где-то рядом.

Близнецам тяжело быть вдали друг от друга. Я видела, как страдал все это время Егор. Хоть и не показывал вида. Представляю, как тяжело было Глебу. У Егора хотя бы была я. А Глеб вообще оставался все это время один.

Я видела, как изменился Егор с тех пор, когда Глеб сообщил ему по телефону, что приезжает. У моего возлюбленного просто глаза светились от счастья.

Да и вчера… Когда они лежали на диване и смотрели фильм. Рядышком, голова к голове. От этой картины просто щемило в груди. Мои такие одинаковые и такие разные мальчики…

Может, я просто люблю их обоих? Одного – как своего мужчину, а второго… Да, как старшего брата. И если первый всегда рядом, то по второму я просто-напросто соскучилась.

Да, соскучилась! Глупо это отрицать.

Помню, когда Глеб уезжал два года назад, я ужасно этого не хотела. После я, конечно, убедила себя в том, что все эти эмоции были вызваны сопереживанием его тяжелой ситуации.

Но сейчас, когда все давно позади, я ведь по-прежнему отношусь к нему с большим теплом. И не только потому что Глеб без пяти минут мой родственник, брат будущего мужа. Но и просто как человек – он мне очень импонирует. Я, наверное, действительно люблю его как брата. Искренне желаю ему счастья. Разве это плохо?

А вся эта дурацкая неловкость рядом с ним, волнение – результат моих слишком затянувшихся угрызений совести. Давно уже пора смириться и простить себя за ту ночь. Ведь если даже Егор простил…

Это все мое обостренное чувство морали. Утрированное порой. Мы с Егором на тот момент не были вместе. А значит, я его не предавала. Хоть и все мое естество твердит об обратном.

Но и правда, давно уже пора смириться с этим. Извлечь урок и двигаться дальше. И если раньше проблема не стояла так остро, то теперь, когда Глеб вернулся, я просто обязана это сделать. Ради наших с Егором отношений.

Избегать Глеба – не выход. Возможно, наоборот, имеет смысл проводить больше времени в его компании? Чтобы привыкнуть? Чтобы уже оставить прошлое в прошлом и адекватно реагировать на присутствие старшего брата в нашей с Егором жизни.

Размышляю об этом и киваю собственным мыслям. Все-таки созерцание природы как ничто другое способствует наведению порядка в голове. Нельзя бегать от проблемы – нужно ее решать!

Не без удивления отмечаю, что на душе становится легче и спокойнее от осознания этой простой истины. Я испытываю даже некоторое предвкушение – не терпится приступить к решению проблемы как можно быстрее! Жаль только, что Глеб уже уехал…

Телефон в кармане начинает вибрировать. Достаю его, смотрю на экран, и в груди разливается тепло, невольно начинаю улыбаться – звонит Егор.

– Привет, моя девочка! Ну как у тебя дела? – раздается из трубки любимый голос.

– Все хорошо, малыш, – ласково отзываюсь я. – Как у тебя?

– У меня тоже все отлично.

– Вчера ты так неожиданно уснул, – произношу с укором.

– Прости, малыш. Я не собирался. Вырубило меня что-то.

– Что ж, бывает, – вздыхаю я.

– Не расстраивайся, зайка. Сегодня вечером мы все наверстаем, я тебе обещаю, – усмехается он.

– Сегодня вечером не получится, и в ближайшую неделю тоже, – грустно отзываюсь я.

– Почему?

– Потому что рдеют знамена над родиной…

– Чего?

– Ну, месячные пошли.

– А-а-а, – понимающе тянет Егор. – А почему так рано?

– Не знаю, – вздыхаю я.

– Ладно, малыш, не грусти. Купить тебе чего-нибудь вкусненького вечером?

– Я до вечера не доживу, пойду сделаю себе торт.

– Ты смотри там, не переусердствуй. Лучше закажи доставку. Как твоя нога?

– Да нормально нога, Егор. Не переживай, до свадьбы уж точно заживет.

– Кстати, насчет свадьбы. Я сейчас с мамой переписывался. У отца через месяц отпуск, они собираются прилететь к нам. Давай, наверное, будем планировать регистрацию на это время.

Мое сердце начинает учащенно биться от этой новости.

– Через месяц? – растеряно переспрашиваю. – А как же твоя работа? Ты говорил, будет загруз?

– Ну выкрою уж пару дней как-нибудь, – усмехается он.

– А медовый месяц? Мы ведь хотели на Мальдивы…

– Все будет, малыш. Не переживай.

– Мы ведь еще даже не начинали подготовку, а ресторан? Если все уже занято на эти даты?

– Я дам задание Ане найти хорошее ивент-агентство, и нам все быстро организуют.

– Ох, что-то разволновалась я… – прижав трубку плечом к уху, прикладываю ладонь ко лбу, спрыгиваю с подоконника на пол.

Егор смеется.

– Не передумала, надеюсь?

– Нет, конечно! Даже не мечтай, – весело отзываюсь я. Но его вопрос почему-то оставляет неприятный осадок в груди.

– Ладно, зай, мне надо работать, – вновь делаясь серьезным, произносит любимый. – Обсудим всё вечером. Целую.

– И я тебя целую…

Сбрасываю звонок и привычным движением прячу телефон в карман. Я все еще немного оглушена новостью. Растерянно улыбаюсь, приложив обе ладони к щекам.

Боже мой, у меня через месяц свадьба!

Надо позвонить маме, обрадовать ее. И Вике позвонить, она, в конце концов, будет моей свидетельницей. Если, конечно, ей муж разрешит. Вообще-то звать свидетелями на свадьбу состоящих в браке людей не принято, но что

поделаешь, если незамужних подружек у меня не осталось?

День пролетает незаметно. Я напрочь забываю про то, что собиралась приготовить торт, принять ванную, пересмотреть все любимые фильмы. Я забываю даже про Глеба. Полдня болтаю по телефону сначала с мамой, потом с Викой. И если первая сдержанно хвалит нас с Егором в трубку за то, что наконец определились, то вторая пронзительно верещит от радости так, что у меня закладывает ухо:

– А-а-а, наконец-то погуляем на твоей свадьбе! Оторвемся как следует, да, подруга? Я надеюсь, праздник будет с размахом?!

– Ну не знаю, – смеюсь я. – Посмотрим, как получится. Вообще я хотела, чтобы по-скромному всё было, только самые близкие.

– Даже слышать не хочу эту чушь! – возмущается Вик. – Я не для того два года ждала твою свадьбу, чтобы по-скромному гулять. Имей совесть, в конце концов! Я – мать! Год уже дома безвылазно сижу, имею право оторваться хоть раз в жизни, как думаешь?

– Я все понимаю, дорогуль, но пока ничего не обещаю, – говорю ей с улыбкой.

– Ладно, – вздыхает она. – Ну если свадьба у тебя будет скучной, то уж девичник ты просто обязана закатить отменный! Договорились?

– Ух ты, я совсем забыла про девичник.

– Ну даешь. Хочешь, я сама тебе его организую? Обещаю, не пожалеешь!

Я снова смеюсь.

– Слушай, девичник мы еще успеем обсудить. Лучше скажи мне, твой муж разрешит тебе быть подружкой невесты?

– Ой, Наська, да кто его спрашивать-то будет?

– А вдруг ему это не понравится?

– Не понравится? – усмехается Вик. – Нравится, не нравится, как говорится… Моя самая любимая подруга замуж выходит. Я по-любому буду подружкой невесты, это даже не обсуждается. Кстати, а кто будет «дружком»?

– Не знаю, – озадаченно отзываюсь я. – Наверное, Глеб. Но я не уверена.

– Глеб? В смысле брат-близнец твоего красавчика?

– Да, он.

– Хм, как интересно, – тянет подруга. – Прикольные фотографии, однако, получатся… Слушай, а если ты напьешься и перепутаешь их в первую брачную ночь?

Сердце делает кульбит от её неудачной шутки, щеки опаляет огнем.

– Дура, – бурчу я в трубку. – Фигню какую-то говоришь.

– Не, ну всякое же бывает, – смеется подруга. – Ладно, шучу я, шучу.

Мы еще целый час болтаем, обсуждая предстоящее событие. Большую часть этого времени я рассказываю ей, каким будет моё свадебное платье. Пока Милашка, Викина дочь, не начинает капризничать в трубку и настырно требовать маму. Нам приходится распрощаться, и я тут же с нетерпением усаживаюсь за компьютер, чтобы поднять все сохраненные когда-то в браузере вкладки. Вновь просматриваю каталоги приглянувшихся мне свадебных салонов, ищу то самое. Так увлекаюсь, что даже забываю пообедать.

Когда встаю из-за компьютера, за окном уже темно. Время показывает седьмой час, и я решаю позвонить Егору. Узнать, когда они с Глебом будут и что бы хотели на ужин.

– Малыш, – торопливо произносит в трубку Егор после длинной череды гудков. – Я сейчас на кассе в магазине, давай чуть позже перезвоню?

– Да я просто хотела спросить, когда дома будешь?

– Блин… Собирался и совсем забыл тебе написать, – с досадой в голосе отвечает он. – Нас с Глебом сегодня друзья пригласили на вечеринку в честь его возвращения. Там будет чисто мужская компания, поэтому тебя с собой не беру. Будем, скорее всего, поздно. Не жди нас, ужинай сама и ложись спать.

– А-а-а… – растеряно тяну я. – Понятно…

– Позже еще позвоню. Целую, котенок.

– Целую…

Егор отключается, а я крепко сжимаю телефон двумя руками и сажусь на кровать. Настроение с высшей отметки стремительно катится в самый низ. И вроде ничего страшного не случилось. Ну собрался Егор на вечеринку с братом. Он и так довольно редко встречается с друзьями, а тут такой повод. Порадоваться за него должна. Но вместо этого сижу и плотно сжимаю губы. В груди неприятно тянет. Они, значит, где-то там будут развлекаться вдвоем, а я тут скучай одна.

Вскоре Егор перезванивает мне, рассказывает подробнее, куда именно они идут и с кем, а мне так сильно хочется попросить его взять меня с собой!.. Но это кажется унизительным. Захотел бы, сам пригласил. Ну и что, что мужская компания? Раньше его это не останавливало.

В итоге я желаю им приятного вечера и отключаюсь.

Ужинаю в одиночестве, брожу по дому, словно тень. На душе очень тоскливо.

Решаю по совету Егора лечь спать. Что мне еще остается делать? Утро вечера мудренее, как говорит моя мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/getta_yuliya/ne-ego-nevesta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити